

Титорева Т.Г.

Культ медведя у эвенов Приохотья

Т.Г. Титорева

Аннотация. Статья посвящена исследованию одного из самых древних дошаманских промысловых культов – медвежьего – и его проявлений в традиционной культуре эвенов Приохотья. В статье рассмотрены этнические представления о медведе, особенности поведения охотников в процессе промысла, комплекс ритуальных действий по отношению к убитому медведю. Обозначены общетунгусские черты медвежьего культа и локальные проявления его в данной территориальной группе эвенов, зафиксированные автором в ходе полевых этнографических исследований. Отмечены устойчивые элементы медвежьей обрядности, сохраняющиеся в современной культуре эвенов, несмотря на глубокую редукцию традиционного комплекса духовной культуры коренных этносов.

Ключевые слова: эвены, Охотское побережье, духовная культура, религиозные воззрения, культ медведя

DOI: 10.22250/2072-8662.2016.4.14-19

Культ медведя имеет широкое распространение и охватывает всю таёжную зону Северного полушария, где водилось это животное. Следы медвежьего культа обнаружены у народов Скандинавии, Северной Америки, на Кольском полуострове и в Сибири, а также на Амуре и в Приохотье. Культ медведя один из самых древних и относится, вероятно, к родовому охотничьему обществу эпохи матриархата¹. Самый ранний этап в развитии медвежьего культа был связан с добычей зверя во время охоты. Позже у некоторых этносов сформировался обрядовый комплекс, включающий акт выращивания медведя в семье. Наиболее ярко и полно эта форма медвежьего культа проявилась у дальневосточных народов, в частности, у нивхов, айнов и ульчей. Убиение медведя в обоих случаях сопровождалось так называемым «медвежьим праздником», суть которого заключалась в достойных проводах души медведя в мир «горных людей» и ритуальном захоронении костей медведя, которое должно обеспечить возрождение животного и возвращение его в новой плоти в мир земных людей. Г.М. Василевич считала, что народам Нижнего Амура культ медведя был принесён пратунгусами на ранних стадиях истории².

Медвежий культ в наиболее древнем своём проявлении нашёл выражение в мировоззрении и обрядовой культуре эвенов Охотского побережья, однако сведений о его проявлениях у эвенов собрано крайне мало³. Вместе с тем, особое отношение к «хозяину» тайги и некоторые черты традиционного обрядового комплекса сохраняются у эвенов Приохотья и в настоящее время. Медведь, являясь объектом промысла, остаётся священным животным, охота на него сопровождается определёнными ритуалами. В традиционной лексике эвенов медведь имеет несколько названий: *дэбэдэк*, *абага*, *амантор*, *дэбэрэ*. В обращении к нему чаще всего используют слово *аба* – дедушка⁴.

В прошлом специально на медведя не охотились, убивали его только в целях самозащиты, из мести за убитого родственника или за нападение на стадо домашних оленей⁵. При этом эвены считали медведя существом миролюбивым⁶, а его нападение объясняли несправедным поведением самого человека (или членов его семьи) или психическими аномалиями животного. Охота на медведя исключала преследование

или выслеживание зверя; медведя поднимали только из берлоги. Поэтому лучшим периодом для охоты служила зима. Найти медвежью берлогу в это время, когда мясо зверя было жирным, или к весне, когда пищевые запасы семьи заканчивались, считалось большой удачей.

Промысловая добыча медведя сопровождалась рядом запретов и особых церемоний, соблюдение которых было направлено на обеспечение безопасности охотника и членов его семьи и сохранение промысловой удачи. В первую очередь охотник должен был обойти найденную берлогу, обращаясь к спящему в ней медведю с просьбой «не подавать голоса»⁷. Перед охотой вслух о медведе не говорят, тем более не хвастают предполагаемой удачей и своими охотничьими трофеями. В народе ходят многочисленные рассказы о трагической судьбе хвастунов-охотников, наказанных медведем. Охотник мысленно обращается к объекту промысла: «Я иду к тебе на встречу, ты меня не лови». Строгие меры предосторожности и конспирации объясняются тем, что по представлениям эвенов, медведь понимает речь человека и слышит всё, невзирая на расстояние.

Особенно тщательно предстоящая охота скрывалась от женщин, поскольку, согласно мифологическим представлениям, они являются медведю кровными родственниками⁸. Существует несколько вариантов мифа о сожительстве медведя с женщиной и о происхождении от этой связи эвенов⁹. Один из них записан нами от Ульяны Васильевны Афанасьевой (с. Арка Охотского района Хабаровского края): «Брат с сестрой пошли по ягоды и заблудились. Брат оставил девочку, а сам пошёл искать дорогу домой. Когда вернулся за сестрой, не нашел её. Через два года она пришла сама: «Брат мой, я тебе племянника принесла – *дантэ*»¹⁰. В семейной иерархии эвенов термином *дантэ* называют сына старшей сестры¹¹. А также очень дорогих, близких по крови родственников. Собираясь на охоту, мужчина мысленно обращался к медведю: «Я иду к тебе, не забывай, что я тебе *дантэ*». Напоминая о кровном родстве, человек просит медведя о безопасности в лесу и помощи в промысле.

Кровнородственная связь женщины с медведем обуславливала для неё обширную систему запретов и табу в отношениях с живым и, особенно, с убитым животным. В прошлом ограничения были очень строгими. Женщине не позволялось даже смотреть на убитого медведя. Нельзя было есть его мясо, прикасаться к шкуре. Разделяли тушу только мужчины. Со временем запреты стали мягче: женщине разрешено было есть нижнюю (заднюю) половину мяса медведя, участвовать в разделке туши. При этом она должна была привязать на запястье специальный браслет с колокольчиком и кусочком оленьей ровдуги, который, как предполагалось, должен ввести в заблуждение душу убитого медведя: услышав звон колокольчика, она подумает, что рядом с ней не женщина, а олень.

Аналогичные «обманные» действия сопровождают и поведение мужчин во время охоты, разделки и поедания мяса медведя. Эвены разговаривают с животным, издают звуки, имитирующие карканье ворон, или стучат по столу ножом, подражая стуку клюва птицы, и уверяют убитого зверя: «Это не я убил, ты не ошибись! Это вороны!»¹². Подобные ритуалы зафиксированы и у эвенков¹³. Возможно, обращение к образу ворона было связано с древними отношениями экзогамных родов, один из которых имел тотемом ворона. Г.М. Василевич предположила, что это могли быть палеоазиатские народы (чукчи, эскимосы, коряки), для которых большое значение имел культ ворона¹⁴.

Шкуру с медведя снимали, разрезав её вдоль живота, как будто раздевая зверя. Глаза медведя вынимали, а глазницы зашивали, вставляя в них кусочки красной

Илл. 1. Браслет нямян ритуальный с колокольчиком. Кон. XIX – нач. XX вв. Хабаровский краевой музей им. Н.И. Гродекова (ХКМ КП 12928/7).

ткани¹⁵. Якутские эвены вставляли в глазницы камни и мох¹⁶. Иногда глаза только завязывали. По некоторым сведениям, с головы срезали уши и отрезали язык¹⁷. В пасть медведя между зубами вставляли палочку, заточенную с обеих сторон: «Чтобы не ругался и не ходил за тобой. Душа убитого медведя перейдёт к другому, и тот будет тебя преследовать»¹⁸. Когти снимать со шкуры запрещалось, их оставляли на лапах. Нельзя было брать и клыки медведя.

По сведениям М.Г. Левина, в начале XX века на месте добычи медведя эвены сооружали крест, объясняя это тем, что «медведь раньше вроде человеком был»¹⁹. Сходство медведя без шкуры с телом женщины отмечали многие народы²⁰, что вероятно, служило одной из причин обожествления зверя.

Принося мясо медведя в стойбище, охотники соблюдали ряд предосторожностей, в частности, шли другой тропой – не той, по которой уходили на охоту²¹. Распределение мяса убитого медведя совершалось по особым правилам. Делил добычу не хозяин, а посторонний человек, которому он доверяет. Охотник, убивший медведя, получал голову и лапы, а также самую вкусную переднюю часть, при этом лопатку не рубили, отдавали целиком. После того, как мясо было съедено или отделено от костей, их «хоронили», а череп и лапы вешали на дереве. Осуществлял этот обряд хозяин медведя.

По представлениям эвенов, рубить кости убитых животных категорически запрещено, их делят по суставам, позвонкам. Это правило относилось, в первую очередь, к медведю. Его кости требовали особого обращения. Их собирали все, до самой мелкой, и «хоронили» на специальном сооружении, называемом «биркэн», установленном, как правило, на месте, где медведя убили. Это своеобразный помост, укрепленный на трёх спиленных стволах молодых деревьев. Кости складывали на нём в анатомическом порядке и закрывали мхом. Оставить кости без присмотра было большим грехом.

Голову медведя варили целиком. Затем череп коптили и подвешивали на заостренный ствол молодой лиственницы, предварительно украсив его серьгами из бересты или прутьев²². На лиственницу, рядом с биркэном и черепом, привязывались разноцветные ленточки из ткани. Существует несколько вариантов относительно расположения черепа. По свидетельству А.И. Громова, череп отворачивают от тропы, по которой охотники будут возвращаться домой: «Нельзя, чтобы голова смотрела, куда ты уйдёшь»²³. Другие информанты утверждают, что череп должен «смотреть» на восток, в сторону восхода солнца²⁴ или на юг²⁵.

Для эвенов, как и для большинства коренных приамурских народов, был характерен праздник медведя *уркачак*, в котором нашли отражение архаические дошаманские культы. В отличие от нивхов и ульчей, эвены не выращивали для этой цели медведя дома. Праздник носил периодический характер, его устраивали только в случае, если убивали медведя на охоте. В прошлом в нём принимали участие исключительно мужчины-охотники одного рода или стойбища. В дальнейшем на праздник стали приглашать всё мужское население окрестных стойбищ. Запасать впрок мясо медведя не позволялось. Его надо было съесть в течение трёх дней, а остатки раздать гостям. Раньше использовали все части тела медведя, сейчас охотники берут только желчь и жир, которые обладают лечебными свойствами.

Мясо медведей эвены всегда употребляли в пищу. Преимущественно северных, питающихся орехами и ягодами и особенно молодых особей, не имеющих неприятного специфического запаха, характерного для медведей, которые питаются рыбой. В период гона, то есть в июне-июле, мясо медведя вообще не употребляют в пищу. И это связано не только со вкусовыми качествами продукта, но в большей степени с тем, что наряду с весенним временем, когда появляются медвежата, это период воспроизводства популяции. Детям (мальчикам) давали его только с 10–12 лет, со времени первой самостоятельной добычи зверя, когда мальчик причислялся к сообществу охотников.

Отваривали мясо большими кусками. Ели осторожно отрезая его ножом у рта. Строго выполнялся запрет откусывать мясо зубами или колоть палочками и вилкой. Глаза медведя и его мозг большинство информантов относило к запретным продуктам. Не разрешалось есть и желудок медведя. Сердце и почки были запретны

только для женщин. Печень и мясной бульон в пищу не употребляли, их закапывали в землю.

Многие части организма медведя служили лекарственными средствами. В частности, наиболее ценным и в наши дни считается медвежий жир. По мнению эвенков, он лечит от всех болезней, но особенно незаменим в лечении ран. Являясь очень питательным продуктом, медвежий жир используется как источник энергии при длительных походах: «Целый день можешь не есть, а энергии хватает», – рассказывают оленеводы. Но при злоупотреблении он может быть очень опасным для здоровья человека. Желчь медведя и сегодня присутствует в каждой домашней аптечке таёжных кочевников. Она применяется при заболеваниях органов пищеварения и простудах.

В народной медицине используют лапы медведя. Ступню отваривают, очищают от косточек, сало съедают, а жёсткую подошву одевают как тапочки на ноги человека и этим их лечат. Лечебным является и penis медведя. Его высушивают, а косточку мелко стругают и принимают внутрь. Это средство служит очищению организма, а также помогает женщинам, страдающим бесплодием²⁶.

Женщины в медвежьем празднике не участвовали. Более того, поняв по особому поведению мужчин, что в стойбище привезут убитого медведя, они покидали чум его хозяина, не позволяя молодым девушкам даже задавать вопросы относительно происходящего. Всё время праздника женщины находились в самом дальнем чуме стойбища²⁷. Лишь когда доходила очередь до приготовления задней половины туши медведя, к празднику присоединялись пожилые женщины. Старейшая из них бросала первый кусок мяса в огонь в качестве благодарственной искупительной жертвы священному животному и только после этого все приступали к трапезе²⁸.

У.Г. Попова отметила исключительное для традиционной культуры явление, обнаруженное ею у одной из территориальных групп эвенков – рассохинской, живущей изолированно, глубоко в тайге, в которой особенно сильное влияние имели шаманы. В их среде медвежий праздник, как проявление дошаманских промысловых культов, был запрещён. Тем не менее, при разделке убитого медведя и захоронении его костей соблюдались все необходимые в таких случаях ритуальные правила. Кроме того, вещи, к которым прикасался медведь, выбрасывали, а от человека, на которого нападал медведь, ничего не брали, даже во временное пользование²⁹.

Таким образом, в духовной культуре эвенков Приохотья культ медведя имел большое значение и во многом определял мировоззрение и кодекс поведения таёжных жителей. В своей основе медвежий культ эвенков соответствует общетунгусской традиции, имея при этом некоторые локальные особенности в ритуалах медвежьего цикла, в комплексе запретов для женщин, в порядке «захоронения» медведя, в использовании определённых частей его тела и др. Несмотря на глубокую редукцию всех сфер духовной культуры эвенков и особенно религиозных воззрений, в настоящее время среди представителей старшего и среднего поколений сохраняется отношение к медведю как к священному тотемному животному. Соблюдаются некоторые традиционные нормы и правила поведения в охоте на медведя, в обращении с его останками, передаются в поколениях мифы и памятники фольклора, связанные с образом зверя.

Библиографический список

1. Афанасьев, Г. Медведя родила женщина / Г. Афанасьев // Дальний Восток. – 1981. – № 4. – С. 143–144.
2. Березницкий, С.В. Верования и обряды эвенков / С.В. Березницкий // Этнокультурные процессы и общественное сознание у народов Дальнего Востока (XVII–XX вв.). – Владивосток: Дальнаука, 1998. – С. 131–141.
3. Богораз, В.Г. Ламуты / В.Г. Богораз // Землеведение. – Кн. 1. – 1900. – С. 59–72.
4. Василевич, Г.М. О культе медведя у эвенков / Г.М. Василевич // Религиозные представления и обряды народов Сибири в XIX – начале XX вв. / СМАЭ. – М., 1971. – Т. XXVII. – С. 150–169.

5. Васильев, Б.А. Медвежий праздник / Б.А. Васильев // Советская этнография. – 1948. – № 1. – С. 78–104.
6. Гурвич, И.С. Отмирание религиозных верований у народностей Сибири / И.С. Гурвич // Вопросы преодоления религиозных пережитков в СССР. – М.; Л.: Наука, 1966. – С. 79–96.
7. Гурвич, И.С. Этнографическая деятельность М.Г. Левина на Охотском побережье в 1930–1932 гг. / И.С. Гурвич // Очерки истории русской этнографии, фольклористики и антропологии. – М.: Наука, 1968. – Вып. 4. – С. 110–121.
8. Линденау, Я.И. Описание народов Сибири (первая половина 18 века). Историко-этнографические материалы о народах Сибири и Северо-Востока / Я.И. Линденау. – Магадан: Книж. изд-во, 1983. – 154 с.
9. Попова, У.Г. О пережитках культа медведя (уркачак) среди эвенов Магаданской области / У.Г. Попова // История и культура народов Севера Дальнего Востока. – М.: Наука, 1967. – С. 174–181.
10. Попова, У.Г. Эвены Магаданской области / У.Г. Попова. – М.: Наука, 1981. – 304 с.
11. Слепцов, Ю.А. Культ медведя у эвенов Якутии и Камчатки / Ю.А. Слепцов // Филология и человек. – 2014. – № 2. – С. 145–150.
12. Титорева, Г.Т. К вопросу о культе медведя у эвенов (по материалам научной экспедиции) / Г.Т. Титорева // Записки Гродековского музея: ХКМ им. Н.И. Гродекова, 2007. – Вып. 18. – С. 193–197.
13. Херсонский, С. О звериных и птичьих промыслах в Охотской округе Приморской области / С. Херсонский // Записки Приамурского отдела ИРГО. – Хабаровск: Типография канцелярии Приамурского генерал-губернатора, 1898. – Т. IV. – Вып. 1. – С. 1–26.

---

¹ Васильев Б.А. Медвежий праздник // Советская этнография. 1948. № 1. С. 78.

² Василевич Г.М. О культе медведя у эвенов // Религиозные представления и обряды народов Сибири в XIX – начале XX вв. / СМАЭ. М., 1971. Т. XXVII. С. 157.

³ Попова У.Г. О пережитках культа медведя (уркачак) среди эвенов Магаданской области // История и культура народов Севера Дальнего Востока. М., 1967. С. 174–181; Титорева Г.Т. К вопросу о культе медведя у эвенов (по материалам научной экспедиции) // Записки Гродековского музея: ХКМ им. Н.И. Гродекова, 2007. Вып. 18. С. 193–197; Слепцов Ю.А. Культ медведя у эвенов Якутии и Камчатки // Филология и человек. 2014. № 2. С. 145–150.

⁴ Полевые материалы автора (ПМА). 2008–2013 гг., Охотский район Хабаровского края, от Андрея Иннокентьевича Громова (1966 г. р.), Ульяны Васильевны Афанасьевой (1932 г. р.), Ольги Афанасьевны Сторожевой (1969 г. р.).

⁵ Богораз В.Г. Ламуты // Землеведение. Кн. 1. 1900. С. 65.

⁶ Херсонский С. О звериных и птичьих промыслах в Охотской округе Приморской области // Записки Приамурского отдела ИРГО. Хабаровск, 1898. Т. IV. Вып. 1. С. 5.

⁷ Попова У.Г. О пережитках культа медведя (уркачак) среди эвенов Магаданской области // История и культура народов Севера Дальнего Востока. М., 1967. С. 175.

⁸ Там же.

⁹ Афанасьев Г. Медведя родила женщина // Дальний Восток. 1981. № 4. С. 143–144.

¹⁰ ПМА. 2007 г., Охотский район Хабаровского края, от Ульяны Васильевны Афанасьевой (1932 г. р.).

¹¹ Попова У.Г. Эвены Магаданской области. М., 1981. С. 189.

¹² Попова У.Г. О пережитках культа медведя (уркачак) среди эвенов Магаданской области // История и культура народов Севера Дальнего Востока. М., 1967. С. 177; ПМА. 2007–2008 гг., Охотский район Хабаровского края, от Ольги Афанасьевны Сторожевой (1969 г. р.), Светланы Афанасьевны Андреевой (1953 г. р.), Константина Афанасьевича Слепцова (1945 г. р.).

¹³ Василевич Г.М. О культе медведя у эвенов // Религиозные представления и обряды народов Сибири в XIX – начале XX вв. / СМАЭ. М., 1971. Т. XXVII. С. 160.

¹⁴ Там же. С. 168.

¹⁵ Попова У.Г. О пережитках культа медведя (уркачак) среди эвенов Магаданской области // История и культура народов Севера Дальнего Востока. М., 1967. С. 176.

¹⁶ Слепцов Ю.А. Культ медведя у эвенов Якутии и Камчатки // Филология и человек. 2014. № 2. С. 148.

¹⁷ Гурвич И.С. Этнографическая деятельность М.Г. Левина на Охотском побережье в 1930–1932 гг. // Очерки истории русской этнографии, фольклористики и антропологии. М., 1968. Вып. 4. С. 118.

¹⁸ ПМА. 2006 г., Охотский район Хабаровского края, от Андрея Иннокентьевича Громова.

¹⁹ Гурвич И.С. Этнографическая деятельность М.Г. Левина на Охотском побережье в 1930–1932 гг. // Очерки истории русской этнографии, фольклористики и антропологии. М., 1968. Вып. 4. С. 118.

²⁰ Васильев Б.А. Медвежий праздник // Советская этнография. 1948. № 1. С. 86.

²¹ ПМА. 2008 г., Охотский район Хабаровского края, от Андрея Иннокентьевича Громова.

²² Гурвич И.С. Этнографическая деятельность М.Г. Левина на Охотском побережье в 1930–1932 гг. // Очерки истории русской этнографии, фольклористики и антропологии. М., 1968. Вып. 4. С. 118.

²³ ПМА. 2008 г., Охотский район Хабаровского края, от Андрея Иннокентьевича Громова.

- ²⁴ Гурвич И.С. Этнографическая деятельность М.Г. Левина на Охотском побережье в 1930–1932 гг. // Очерки истории русской этнографии, фольклористики и антропологии. М., 1968. Вып. 4. С. 118; ПМА. 2006–2007 гг., Охотский район Хабаровского края, от Ульяны Васильевны Афанасьевой (1932 г. р.), Виктора Федоровича Шарыгина (1940 г. р.).
- ²⁵ Линденау Я.И. Описание народов Сибири (первая половина 18 века). Историко-этнографические материалы о народах Сибири и Северо-Востока. Магадан, 1983. С. 60.
- ²⁶ ПМА. 2006–2013 гг., Охотский район Хабаровского края, от Ульяны Васильевны Афанасьевой (1932 г. р.), Светланы Афанасьевны Андреевой (1953 г. р.), Ольги Афанасьевны Сторожевой (1969 г. р.).
- ²⁷ Попова У.Г. О пережитках культа медведя (уркачак) среди эвенов Магаданской области // История и культура народов Севера Дальнего Востока. М., 1967. С. 177.
- ²⁸ Березницкий С.В. Верования и обряды эвенов // Этнокультурные процессы и общественное сознание у народов Дальнего Востока (XVII–XX вв.). Владивосток, 1998. С. 137.
- ²⁹ Попова У.Г. Эвены Магаданской области. М., 1981. С. 189.

References

- Vasilyev B.A. *Sovetskaya etnografiya* [Soviet Ethnography]. 1948, no. 1, pp. 78–104.
- Vasilevich G.M. *Religioznye predstavleniya i obryady narodov Sibiri v XIX – nachale XX vv.* [Religious Beliefs and Rituals of the Siberian Tribes in the 19th – Early 20th Centuries]. Moscow, 1971, vol. XXVII, pp. 150–169.
- Popova U.G. *Istoriya i kul'tura narodov Severa Dal'nego Vostoka* [History and Culture of the Peoples of the Far Eastern North]. Moscow, Nauka, 1967, pp. 174–181.
- Titoreva G.T. *Zapiski Grodekovskogo muzeya* [Notes of Khabarovsk Regional Museum n.a. N.I. Grodekov]. KhKM im. N.I. Grodekova, 2007, no. 18, pp. 193–197.
- Sleptsov Yu.A. *Filologiya i chelovek* [Philology and Man]. 2014, no. 2, pp. 145–150.
- Bogoraz V.G. *Zemlevedenie* [Geography]. 1900, b. 1, pp. 59–72.
- Khersonskiy S. *Zapiski Priamurskogo otdela IRGO* [Notes of the Amur Department of IRGS]. Khabarovsk, Tipografiya kantselyarii Priamurskogo general-gubernatora, 1898, vol. IV, no. 1, pp. 1–26.
- Popova U.G. *Istoriya i kul'tura narodov Severa Dal'nego Vostoka* [History and Culture of the Peoples of the Far Eastern North]. Moscow, Nauka, 1967, pp. 174–181.
- Popova U.G. *Istoriya i kul'tura narodov Severa Dal'nego Vostoka* [History and Culture of the Peoples of the Far Eastern North]. Moscow, Nauka, 1967, pp. 174–181.
- Afanasyev G. *Dal'niy Vostok* [The Far East]. 1981, no. 4, pp. 143–144.
- Popova U.G. *Eveny Magadanskoy oblasti* [The Evens of Magadan Oblst]. Moscow, Nauka, 1981, 304 p.
- Popova U.G. *Istoriya i kul'tura narodov Severa Dal'nego Vostoka* [History and Culture of the Peoples of the Far Eastern North]. Moscow, Nauka, 1967, pp. 174–181.
- Vasilevich G.M. *Religioznye predstavleniya i obryady narodov Sibiri v XIX – nachale XX vv.* [Religious Beliefs and Rituals of the Siberian Tribes in the 19th – Early 20th Centuries]. Moscow, 1971, vol. XXVII, pp. 150–169.
- Vasilevich G.M. *Religioznye predstavleniya i obryady narodov Sibiri v XIX – nachale XX vv.* [Religious Beliefs and Rituals of the Siberian Tribes in the 19th – Early 20th Centuries]. Moscow, 1971, vol. XXVII, pp. 150–169.
- Popova U.G. *Istoriya i kul'tura narodov Severa Dal'nego Vostoka* [History and Culture of the peoples of the Far Eastern North]. М., Nauka, 1967, pp. 174–181.
- Sleptsov Yu.A. *Filologiya i chelovek* [Philology and Man]. 2014, no. 2, pp. 145–150.
- Gurvich I.S. *Ocherki istorii russkoy etnografii, fol'kloristiki i antropologii* [Essays of the History of Russian Ethnography, Folklore Studies, and Anthropology]. Moscow, Nauka, 1968, no. 4, pp. 110–121.
- Gurvich I.S. *Ocherki istorii russkoy etnografii, fol'kloristiki i antropologii* [Essays of the History of Russian Ethnography, Folklore Studies, and Anthropology]. Moscow, Nauka, 1968, no. 4, pp. 110–121.
- Vasilyev B.A. *Sovetskaya etnografiya* [Soviet Ethnography]. 1948, no. 1, pp. 78–104.
- Gurvich I.S. *Ocherki istorii russkoy etnografii, fol'kloristiki i antropologii* [Essays of the History of Russian Ethnography, Folklore Studies, and Anthropology]. Moscow, Nauka, 1968, no. 4, pp. 110–121.
- Gurvich I.S. *Ocherki istorii russkoy etnografii, fol'kloristiki i antropologii* [Essays of the History of Russian Ethnography, Folklore Studies, and Anthropology]. Moscow, Nauka, 1968, no. 4, pp. 110–121.
- Lindenaу Ya.I. *Opisanie narodov Sibiri (pervaya polovina XVIII veka). Istoriko-etnograficheskie materialy o narodakh Sibiri i Severo-Vostoka* [The Description of the Siberian Tribes (the First Half of the 18th Century). The Historical and Ethnographical Data about the Siberian and North-Eastern Peoples]. Magadan, Knizhnoe izdatel'stvo, 1983, 154 p.
- Popova U.G. *Istoriya i kul'tura narodov Severa Dal'nego Vostoka* [History and Culture of the Peoples of the Far Eastern North]. Moscow, Nauka, 1967, pp. 174–181.
- Berezniцкий S.V. *Etnokul'turnye protsessy i obshchestvennoe soznanie u narodov Dal'nego Vostoka (XVII–XX vv.)* [Ethnocultural Processes and Social Consciousness of the Far Eastern Peoples (the 17th – 20th Centuries)]. Vladivostok, Dal'nauka, 1998, pp. 131–141.
- Popova U.G. *Eveny Magadanskoy oblasti* [The Evens of Magadan Oblst]. Moscow, Nauka, 1981, 304 p.